

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 22.

15 НОЯБРЯ

1909 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ IV.

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 4. Телефонъ 297-55.

- Безобразова М. С.** «Исторія одного воробья». Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна 25 к.
- Бѣляевская О. А.** «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ 75 к., въ обложкѣ 40 к.
- Кондурушкинъ И. С.** «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.
- Купринъ А. И.** «Слонъ». Съ рисунк. Цѣна 25 к.
- Кэрроль Льюисъ.** «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Allegro. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.
- Лондонъ Джэкъ.** «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунк. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.
- Малахѣева-Мировичъ В. Г.** «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.
- Манасеина Н. И.** «Разказы для дѣтей». Со многими рисунками. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к.
- Манасеина Н. И.** «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.
- Манасеина Н. И.** «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.
- Поливановъ В. П.** «Воронъ».—«Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.
- Соловьева П. С.** «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.
- Соловьева П. С.** «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисунк. Ц. въ папкѣ 80 коп.
- Соловьева П. С.** «Свадьба солнца и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунк. Ц. 20 коп.
- Соловьева П. С.** «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.
- Соловьева П. С.** «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунк. Ц. 25 коп.
- Соловьева П. С.** «Первое Апрѣля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.
- Соловьева П. С.** «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.
- Шапиръ Н. Л.** «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.
- Франсъ Анатоль.** «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.
- Allegro.** «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписчикамъ „ТРОПИНКИ“ дѣляется уступка въ 20%.

На выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. Книгоиздательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1909 годъ.

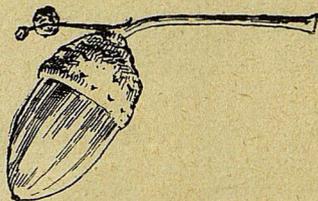
Ноябрь № 22.

ЖУРНАЛЪ
ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Березкины именины — пьеса въ стихахъ. П. Соловьевой. (Окончаніе).
2. На стражѣ — рассказъ Петера Розегера.
3. Младенецъ и разбойники — легенда *Allegro*.
4. О томъ, кто написалъ «Алису» — Зин. Венгеровой.
5. Исторія воздухоплаванія — Л. Егорова. (Продолженіе).
6. Вѣсти отовсюду.
7. Почта Тропинки.
8. Шарады.
9. Рѣшеніе ребуса № 8.

Березкины именины.

(Окончаніе).

Дѣйствіе II.

(Та же декорация. Сцена пуста. Изъ-за деревьевъ выходятъ Дима, Вѣрочка, Федя и Маня).

ЯВЛЕНІЕ I.

Вѣрочка.

Идите, вотъ чудное мѣсто:
Поляна, березка на ней
Нарядная, точно невѣста,
Съ вершинки до самыхъ корней.

Дима.

Кора вся, какъ шелкъ серебристый,
Красивъ каждый острый листокъ.

Федя.

Гляди, на подушечкѣ мшистой
Какой интересный грибокъ!
Возьму.

Вѣрочка.

Не бери, ради Бога!

Маня.

А вотъ колокольчикъ.

Вѣрочка.

Не рви!

Федя.

Кузнечикъ сидитъ длинноногій.

Вѣрочка.

Постой, не лови, не лови!

Өедя.

Да что ты за классная дама:
Нельзя ни сорвать, ни поймать!

Дима.

У Вѣрочки вѣчная драма:
А вдругъ у кузнечика мать,
А вдругъ у грибочка крестины,
А вдругъ колокольчикъ женать,
Березкины вдругъ именины
И все это гости сидятъ.

(Өедя и Маня смѣются).

Вѣрочка.

Ахъ, Дима, ты право ужасень:
Всегда всѣ меня засмѣютъ.
Но, можетъ быть, смѣхъ вашъ напрасень:
Она всѣхъ наряднѣе тутъ,
И, можетъ быть, правда справляетъ
Свой день именинный въ лѣсу,
Съ гостями болтая. Кто знаетъ?
Подарокъ я ей поднесу.

(Вынимаетъ голубую ленточку изъ косы и привязываетъ ее къ вѣткѣ Березки).

Маня.

Я кукольный дамъ ей платочекъ.
Я очень березку люблю.

(Привязываетъ платочекъ).

Одя.

Постойте-ка, ей на листочекъ
Я марку свою налѣплю.
Испанская, рѣдкость большая.

(Налѣпляетъ марку на листикъ березы).

Дима.

Не жалко?

Одя.

Чего тамъ жалѣть!

Дима.

Ну, что же, ее украшая,
Не дурно бы что нибудь спѣть.

Върочка.

Споемте.

Маня.

Я пѣсень не знаю.

Одя.

Не вспомню и я ни одной.

Дима.

Я быстро слова сочиняю,
А вы повторяйте за мной.

Върочка.

(Замѣчаетъ шишки)

А орѣхи здѣсь откуда?
Даже въ шишкѣ. Что за чудо!

Дима.

Это бѣлкины продѣлки,
Свой запасъ свалили бѣлки.

Вѣрочка.

Кедровъ нѣтъ у насъ въ лѣсу
Я на память унесу.

Дима.

Ну, иди, чего глядѣть!
Въ честь березки будемъ пѣть.
Слушай въ оба и смотри:
Начинаю: разъ, два, три!

(Приплясываетъ и поетъ)

Вчетверомъ мы по тропинкѣ въ лѣсъ пришли.
Ай да люли, ай да люли, ай люли!

Хоръ.

Ай да люли, ай да люли, ай люли!

Дима.

Мы въ лѣсу деревьевъ много видимъ разныхъ,
Не бываетъ между ними безобразныхъ,
Но красивѣй той березки не найти,
Что попалась намъ сегодня на пути.

Хоръ.

Что попалась намъ сегодня на пути.

Дима.

Вся мила она отъ корня до вершины.
Мы рѣшили, что справляетъ именины
Здѣсь въ лѣсу она средь близкихъ и друзей,
И приносимъ поздравленіе мы ей.

Хоръ.

И приносимъ поздравленіе мы ей.

Дима.

Въ честь ея мы эту пѣсню завели.
Ай да люли, ай да люли, ай люли!

Хоръ.

Ай да люли, ай да люли, ай люли!

Дима.

Вотъ сидитъ предъ ней почтенный старый грибъ.
Взять съ собой его конечно мы могли-бъ,
Но онъ гость ея, его мы оставляемъ,
А березку поздравляемъ, поздравляемъ.

Хоръ.

А березку поздравляемъ, поздравляемъ.

Дима.

Вотъ ромашка съ колокольчикомъ вдвоемъ,
Такъ и думаютъ—мы ихъ сейчасъ сорвемъ,
Но гостей мы именинныхъ въ нихъ узнали
И съ поклономъ отступили, не сорвали.

Хоръ.

И съ поклономъ отступили, не сорвали.

Дима.

Вотъ сидитъ въ травѣ кузнечикъ длинноногій.
Видъ задумчивый и очень, очень строгій.
Онъ въ поляхъ живетъ и въ лѣсъ бы не попалъ,
Если-бъ не былъ у березки нынче балъ.

Хоръ.

Если-бъ не былъ у березки нынче балъ.

Грибъ Грибовичъ Моховикъ.

Дима.

Вотъ сосна, осинка, елочка, орѣхъ.
Поздравляемъ съ именинницею
всѣхъ.

Съ первыхъ дней они всѣ вмѣстѣ
здѣсь росли.

Ай да люли, ай да люли, ай люли!

Хоръ.

Ай да люли, ай да люли, ай люли!

Дима.

Вечерѣтъ, намъ пора домой итти
По тропинкѣ, по знакомому пути.
Будь здорова ты отъ корня до
вершины,

Много лѣтъ справляй, березка, именины.

До свиданья, мы уходимъ, мы ушли.

Ай да люли, ай да люли, ай люли!

Хоръ.

До свиданья, мы уходимъ, мы ушли.
Ай да люли, ай да люли, ай люли!

(Приплясывая уходятъ. Занавѣсъ).

Дѣйствіе III.

(Та же декорація. Березка, Сосна, Осинка, Елочка, Орѣхъ, Моховикъ, Ромашка, Колокольчикъ, Листокъ и Кузнечикъ стоятъ на прежнихъ мѣстахъ).

ЯВЛЕНІЕ I.

Кузнечикъ.

Ушли, ихъ нѣтъ, и снова тишина.

Березка.

Мнѣ дѣвочка понравилась одна.

Елочка.

А мнѣ всѣ четверо они пришлись по нраву.

Орѣхъ.

Цвѣтовъ, вѣтвей не рвали на забаву.

Сосна.

Кузнечика не мучили они.

Осинка.

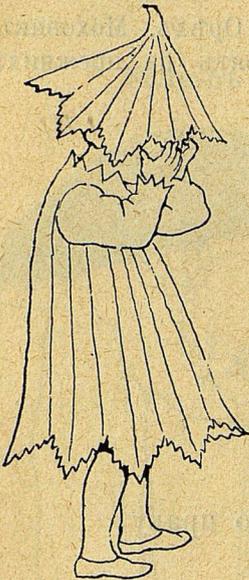
Ну, Колокольчикъ, въ честь дѣтей звони.

Колокольчикъ.

Динь—динь! Грибовича они не раздавили.

Ромашка.

Намъ пѣли всѣмъ, Березку одарили.

И только-лишь меня
забыли одного.

Листокъ.

И только лишь меня забыли одного.

(Плачетъ)

Березка.

Ты самый маленькій, ну это ничего.

Сосна.

Вечернюю я слышу тишину.

Пора намъ отходить ко сну

И Серебрянкѣ дать покой.

Безшумной синею рѣкой

Изъ горныхъ странъ къ намъ ночь плыветъ.

Благословенъ ея приходъ!

Кузнечикъ.

Цы-чу, цы-чи! Миѣ звѣздъ лучи

Укажутъ путь отсюда въ поле.

Всю ночь въ молчаньѣ полевомъ

Объ именинномъ днѣ твоёмъ

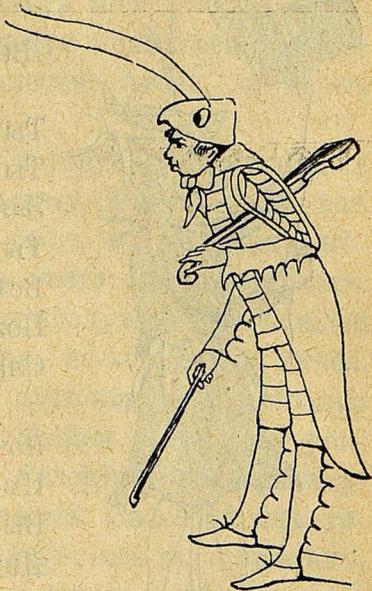
Пиликать буду я на волѣ.

Моховикъ.

Быль въ опасности одинъ
Онъ смѣлѣе многихъ:
Не бѣжалъ средь именинъ
Отъ дѣтей двуногихъ.
Ничего, что ростомъ малъ,
Да и фракъ не модный,
Онъ изъ всѣхъ, кто здѣсь
бывалъ,
Самый благородный.

Кузнечикъ.

Во всѣхъ: въ двуногихъ и
въ звѣряхъ
Всего противнѣе мнѣ страхъ.
И, трусость побѣдивъ свою,
Живу я смѣло и пою.

Мнѣ пѣсни свѣтять и въ ночи.
Лечу, скачу, цы-чу, цы-чи!

Всѣ.

Привѣтъ пѣвцу! Да сгинетъ страхъ
Въ звѣряхъ, деревьяхъ и цвѣтахъ!

Кузнечикъ.

Мнѣ пѣсни свѣтять и въ ночи.
Лечу, скачу, цы—чу, цы—чи!

(Уходить).

День — день — день!
День — день — день!

Колокольчикъ.

День — день — день! День —
день — день!

Ты, Грибочекъ, шляпку скинь,
Ты, Ромашка, чепчикъ бѣлый
Завяжи рукой умѣлой,
Ты, Листочекъ, вытри слезки,
Всѣ поклонимся Березкѣ.
Пожелаемте ей сна,
Сладкимъ сномъ пусть спитъ
она.

Ночи слышится глаголь,
Именинный день прошель.
Вышли звѣзды, воздухъ синь.
День — день — день, день —
день — день!

(ЗАНАВѢСЪ).

П. Соловьева.

На стражѣ.

СЛУЧИЛОСЬ это какъ разъ въ то время, когда мой отецъ началъ поправляться послѣ долгой болѣзни. Кромѣ меня, его старшаго сына, за больнымъ почти никто не ухаживалъ. Изрѣдка навѣщалъ его охотникъ Вольфъ. Обыкновенно онъ присаживался на лежанку и радовался, когда, принесенное

имъ въ подарокъ отцу, жаркое изъ дичи приходилось по вкусу больному. И вотъ, можетъ быть, благодаря этому жаркому, батюшка мой на столько оправился, что въ августѣ, какъ разъ около самого Успенья, сказалъ мнѣ:

— Ну, малышъ, теперь и я попробую приняться за какое нибудь дѣло. Начну хоть корзины плести. Авось, на это-то силы хватить!

И на слѣдующій же день рано поутру мы вышли изъ дома и направились къ такъ называемому Дикому лугу, гдѣ росло много ивъ. Этотъ Дикій лугъ былъ въ дальнихъ мѣстахъ. Дорога шла въ гору, и отецъ часто останавливался, опираясь на палку и глубоко вдыхая воздухъ. При каждой такой остановкѣ онъ спрашивалъ меня, не хочу ли я хлѣба.

Когда мы поднялись на овечье пастбище, гдѣ молодая поросль стояла еще вся покрытая утренней росой, мы увидѣли, какъ въ гущинѣ прошмыгнулъ человѣкъ съ перекинутымъ черезъ плечо срубленнымъ деревомъ. За собой онъ тащилъ что-то вродѣ ружья. Замѣтивъ насъ, онъ такъ присѣлъ, что мы могли разглядѣть одни только вихры черныхъ, какъ уголь, волосъ на его головѣ.

Когда человѣкъ этотъ скрылся изъ нашихъ глазъ, отецъ остановился и сказалъ:

— Видѣлъ ты, кто прошмыгнулъ? Это Черный Антонъ.

Черный Антонъ былъ такой человѣкъ, что каждый, завидѣвъ его, поскорѣ прятался къ себѣ, да и дверь на запоръ.

— Да, сынокъ, — сказалъ отецъ, когда мы присѣли съ нимъ на стволъ упавшаго дерева, — не легко живется такимъ людямъ, какъ этотъ Антонъ. Отца и матери онъ и въ глаза не видалъ. Принесли его въ наши мѣста изъ дома для подкидышей совсѣмъ крохотнымъ. Не изъ состраданія, а для выгоды взяла его къ себѣ одна угольщица. Мальчикъ бро-

диль по лѣсу, едва только научился ходить. Никто о немъ не заботился, дѣлалъ онъ, что хотѣлъ. Распустился и одичалъ онъ отъ такой жизни. Смекнула угольщица, что ничего, кромѣ стыда, отъ такого приемыша не увидить и объявила мальчишкѣ:

— Теперь, Антошка, бездѣльникъ, убирайся прочь!—И Антошка ушелъ, но куда онъ ни совался, куда ни стучался, повсюду у него передъ носомъ захлопывалась дверь. Люди отказались отъ Антошки, и пришлось ему итти къ звѣрямъ въ лѣсъ. Но и здѣсь ему не позволили распорядиться. Охотникъ Вольфъ запряталъ его въ тюрьму. Теперь Антонъ опять на свободѣ, и встрѣчаться съ нимъ не совсѣмъ-то пріятно, хотя я и не думаю, чтобы онъ былъ способенъ на что нибудь очень дурное. Злодѣемъ я его не считаю. Испорченъ онъ, это правда. Такъ всегда бываетъ съ человѣкомъ, когда люди толкнутъ его на ложный путь. Катится такой человѣкъ все внизъ и внизъ, удержаться ему и не за что.

Отецъ замолчалъ, и мы пошли, не торопясь, дальше. Прошли мы лѣсами и темными лощинами, куда еще не успѣло попасть солнце и пришли наконецъ къ Дикому лугу. На немъ еще лежала тѣнь отъ Чортовой горы. Ивы же, стоявшія здѣсь длинными рядами, были уже освѣщены яркимъ солнцемъ, и листья ихъ казались совсѣмъ серебряными. Траву на лугу уже скосили и даже сѣно успѣли убрать. Тихой и заброшенной казалась поляна. По краямъ ея синѣли колокольчики горчанокъ *).

Мы подошли къ ивамъ у самаго ручья и прошли лугомъ къ высокимъ соснамъ, гдѣ начинался уже настоящій лѣсъ. Здѣсь стоялъ выкрашенный въ красную краску и весь оброс-

*) Горчанка—цѣлебное цвѣтущее растеніе.

шій мохомъ высокій деревянный крестъ. Намъ захотѣлось присѣсть подь нимъ передь началомъ работы. Отсюда можно было высмотрѣть, какъ слѣдуетъ, ивы, да и закусить кстати захваченнымъ изъ дома хлѣбомъ.

Но прежде чѣмъ присѣсть, отецъ вдругъ насторожился и сталъ внимательно и долго куда-то вглядываться.

Подь пихтой лежалъ человекъ. По виду охотникъ, потому что при немъ было ружье. Кудри упали ему на лобъ и прикрыли глаза, такъ что трудно было разобрать, дѣйствительно ли онъ такъ крѣпко спалъ, какъ это казалось.

Наконецъ отецъ рѣшился подойти ближе къ спящему, меня же при этомъ почему-то отстранилъ рукой. Когда мы подошли, то увидали, что человекъ лежалъ въ лужѣ крови, ручьемъ бившей изъ широкой раны на его шеѣ.

Отецъ стиснулъ руки и тихо произнесъ:

— Убили охотника Вольфа.

Я заплакалъ, а отецъ прижалъ меня къ своей груди и, хотя онъ старался казаться спокойнымъ, но я услышалъ, какъ сильно билось его сердце.

Потомъ онъ осмотрѣлъ убитаго и сказалъ:

— Не придется намъ сегодня рѣзать съ тобой ивовыя прутья. Надо кликнуть людей, чтобы перенести Вольфа. Одному изъ насъ придется итти за ними, а другой долженъ остаться здѣсь. Умершаго, пока онъ еще не въ могилѣ, нельзя оставлять одного. Того и гляди, подкрадется изъ лѣсу звѣрь. Всего лучше, если я побѣгу къ дровосѣкамъ, а ты посидишь здѣсь у креста.

Сердце у меня такъ и подпрыгнуло. Какъ! Отецъ рѣшается оставить меня одного въ лѣсу, съ мертвецомъ! Но вѣдь дороги къ мѣсту, гдѣ шла порубка я не зналъ. Дровосѣковъ мнѣ ни за что не найти.

— Конечно, мальчуганъ, печальная это стража,—продолжалъ отецъ,—но нужно это сдѣлать и покараулить Вольфа изъ христіанской любви.

Я не сводилъ глазъ съ убитаго.

Отецъ вытащилъ изъ-за пояса ножъ, тотъ самый, которымъ мы собирались рѣзать прутья для корзины и, срубивъ нѣсколько вѣтвей съ деревьевъ, накрылъ ими убитаго охотника. Потомъ онъ опустился на колѣни передъ этой кучей зелени и тихо прочелъ „Отче нашъ“.

Поднявшись съ колѣнъ, онъ сказалъ мнѣ:

— Теперь, мой мальчикъ, исполняй долгъ любви по отношенію къ нашему умершему брату. Становись на стражу. Ножикъ я тебѣ оставляю, держи его крѣпко. Лисицы и вороны могутъ заглянуть сюда, ну, а другихъ хищниковъ, на сколько я знаю, и нѣтъ по близости. Можешь доходить до самыхъ ивъ, но дальше ни шагу. Я буду торопиться. Вернусь, раньше, чѣмъ выростетъ тѣнь.

Потомъ положилъ онъ кусокъ хлѣба для меня подъ дерево и ушелъ. Онъ пошелъ черезъ лугъ, по которому мы уже проходили, и исчезъ въ лѣсной темнотѣ.

Я остался одинъ на лугу, окруженномъ лѣсомъ. Яснымъ солнечнымъ свѣтомъ была освѣщена долина, и серебристыя ивы, и куча зеленыхъ вѣтвей на лѣсной опушкѣ. Я старался не смотрѣть въ сторону этого зеленого холмика. Я направился къ ивовой заросли, но мои глаза невольно обращались назадъ къ красному кресту и къ тому, что лежало подъ нимъ.

Бѣдный охотникъ Вольфъ! Года четыре тому назадъ его свадебный поѣздъ пронесся какъ разъ мимо нашего дома. Отъ громкихъ звуковъ лѣсныхъ роговъ дрожали стекла въ нашихъ окнахъ. Вольфъ былъ красивый малый. Я помню большой букетъ на его шляпѣ и красную ленту, которая свѣ-

шивалась съ его затылка, въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь была рана.

Я шелъ вдоль ивовой заросли. Что-то шевельнулось въ вѣтвяхъ, и онѣ дрогнули. Тамъ и сямъ проносились слѣпни. Я раскрылъ ножикъ и заглянулъ въ ручей. Подъ густыми ивовыми вѣтвями около самой воды было такъ тихо и почти темно. Пятнистая ящерица выползла оттуда и направилась прямо ко мнѣ. Я испугался и побѣжалъ назадъ.

Теперь я принялся измѣрять шагами тѣнь деревьевъ.

— Раньше, чѣмъ она выростетъ, я вернусь съ людьми, — сказалъ отецъ. Но тѣнь все уменьшалась. Солнце стояло высоко надъ Чортовой горой, и на днѣ долины лежалъ голубоватый туманъ.

Опять я повернулъ къ кресту и присѣлъ на камнѣ, на который становились на колѣни набожные прохожіе. Крестъ былъ высокій, и на немъ не было Спасителя. Широко протянулась его перекладина, точно руки, которыми онъ хотѣлъ благословить весь лѣсъ.

Я отвернулся отъ креста и отъ зеленаго холмика подъ нимъ и сталъ смотрѣть на Чортову гору. Небо было темно-голубое, а кругомъ ни птицы, ни комара, и повсюду одна тишина ранняго, похожаго на тихій сонъ, осенняго утра.

Я рѣшилъ десять разъ пройти по лугу, и только тогда опять начать мѣрять тѣнь. Но тѣнь точно присѣла подъ деревомъ и, казалось, и не собиралась изъ подъ него вылѣзти.

Тогда я пошелъ прямо къ зеленой кучѣ и долго стоялъ передъ ней. Теперь мнѣ уже не было страшно. Я усѣлся подъ крестомъ и сталъ ѣсть хлѣбъ. Какъ вдругъ возлѣ меня что-то хрустнуло, и изъ кустовъ выглянула роза.

Прежде всего она направилась прямо къ зеленой кучѣ.

обошла ее и обнюхала со всѣхъ сторонъ. Охотника подъ вѣтвями она не испугалась, но когда разнюхала порохъ, то сейчасъ же повернула назадъ и большими прыжками скрылась въ чащѣ.

Теперь, когда я снова измѣрилъ тѣнь, то нашелъ, что она замѣтно вытянулась. Должно быть, не мало часовъ пробылъ я на Дикомъ лугу.

Мой отецъ сказалъ, какъ всегда, правду. Изъ лѣса до меня донесся отзвукъ шаговъ и голосовъ. Приближались люди. Но это оказались совсѣмъ не дровосѣки, которые должны были притти за Вольфгангомъ. На лугъ вышла молодая женщина съ корзиной за спиной. Она вела за руку маленькую дѣвочку лѣтъ трехъ. Онѣ пѣли веселую дѣтскую пѣсенку, и маленькая дѣвочка при этомъ смѣялась и подпрыгивала на мягкой травѣ.

Я узналъ и женщину и дѣвочку. Это были жена и дочь убитаго охотника Вольфа.

Онѣ шли прямо къ кресту и, когда разглядѣли меня, мать сказала:

— Видишь, Агата, мальчика, тамъ у креста? Онъ читаетъ Отче нашъ. Славный мальчикъ...

Она тоже стала на колѣни, сложила руки и стала молиться. Дѣвочка тоже помолилась, и лицо у нея при этомъ сдѣлалось совсѣмъ серьезное.

Мнѣ было невыносимо тяжело. Я не могъ рѣшиться сказать имъ, кто лежитъ подъ зелеными вѣтвями. Я отошелъ въ сторону къ ивамъ.

— Теперь, моя крошка,—говорила между тѣмъ мать дѣвочкѣ,—я пойду рѣзать горчанки, а ты посиди себѣ здѣсь на этомъ зеленомъ бугоркѣ. Вотъ, вернется отецъ съ Чортовой горы, и мы славно закусимъ всѣ втроемъ козымъ сыромъ,

который я захватила въ корзину. Закусимъ и втроемъ такъ весело побѣжимъ домой.

Она усадила ребенка прямо на кучу зеленыхъ вѣтвей, подѣ которыми лежалъ ея мужъ. Потомъ она направилась со своей корзиной на край луга, гдѣ росли кустики горчанки. Оттуда она крикнула мнѣ, спрашивая, что я дѣлаю одинъ единешенекъ на лугу. Заблудился я что ли, или ищу козъ? Я не зналъ, что ей сказать. Показалъ почему-то на пролетавшую огромную, какъ снѣгъ, бѣлую бабочку и пробормоталъ:

— Посмотри-ка, на нее, какъ она летаетъ. Какъ летаетъ!

— Да ты просто какой-то дурачекъ!— смѣясь, сказала мнѣ жена охотника и пошла дальше.

Маленькая Агата играла на кучѣ зеленыхъ вѣтвей. Она теребила ихъ, копалась въ нихъ и вдругъ что-то вытащила. Вѣроятно, она испугалась, потому что стала звать мать.

Въ одну минуту женщина очутилась возлѣ ребенка. Дѣвочка протянула ей кольцо.

— Вотъ, что я нашла,—сказала она.— Это папино кольцо.

— Откуда же у тебя это кольцо, крошка?—звонко крикнула женщина.

Дѣвочка засмѣялась, видимо очень довольная своей находкой.

Женщина пересадила дѣвочку съ зеленой кучи на землю и пронзительно вскрикнула. Она разглядѣла подѣ вѣтвями руку.

Съ неистовствомъ бросилась она на кучу, торопливо и со страхомъ разбросала въ стороны зеленыя вѣтви, а потомъ отшатнулась назадъ и закрыла лицо руками.

Какъ разъ въ эту минуту вышли на лугъ два дровосѣка съ носилками. Прежде всего они стали на колѣни передъ

убитымъ, тихонько помолились, а потомъ подняли его на носилки, положили съ нимъ рядомъ ружье и ушли.

Корзина такъ и осталась на землѣ у кустовъ горчанока. Женщина ушла за носилками. Она не произнесла ни слова, не пролила ни слезинки. Взяла дѣвочку на руки и пошла. Но того, какъ она шла за носилками—я никогда не могъ забыть.

Пошелъ и я вслѣдъ за ними. Серебряные листья ивы такъ и сверкали на солнцѣ, тѣни отъ сосенъ вытянулись черезъ весь лугъ. Красный крестъ рѣзко выступалъ на темной зелени лѣса. Носилки направились къ отдаленному домику охотника. Я пошелъ къ себѣ домой. Какъ разъ, когда я подходилъ къ дому, нѣсколько дюжихъ парней провели мимо меня человѣка дикаго вида. Это былъ Черный Антонъ. Отецъ сказалъ, что рано утромъ мы его видѣли въ поросли лиственницы, и его арестовали. Явился судья. Подъ большимъ ясенемъ у нашего дома допрашивали Чернаго Антона. Онъ признался, что застрѣлилъ охотника Вольфганга изъ мести. Его заковали въ цѣпи и отправили въ тотъ самый городъ, откуда онъ явился къ намъ груднымъ ребенкомъ. Когда я вошелъ къ намъ въ комнату, отецъ сидѣлъ на своей постели. Очень взволнованный взялъ онъ меня къ себѣ на колѣни и сказалъ:

— Ну, и выдался же денекъ, малышъ! Камнемъ легъ онъ мнѣ на сердце.

Такъ и не попали мы въ этомъ году на Дикій лугъ. Потомъ я частехонько заходилъ туда. По прежнему тамъ серебрились ивы, тѣ же сосны стояли тамъ, росли и пропадали возлѣ нихъ тѣ же тѣни, колеблющіяся и измѣнчивыя, какъ жизнь человѣка.

Перевела съ нѣмецкаго *Н. Манасеина*.

Младенецъ и разбойники.

РОДИЛСЯ младенецъ рано, когда чуть свѣтало на дворѣ, и въ тотъ же самый день скончался на вечерней на зарѣ. Не дано было ему, младенцу, на землѣ пожить; такъ скоро сомкнулъ онъ навѣки глазки, что не успѣли его окрестить. И когда на небѣ умирала вечерняя заря, догорая, постучался младенецъ слабенькой ручкой въ огромныя пресвѣтлыя двери рая.

Лучезарные ангелы отворили двери и спрашиваютъ:

— Кто тамъ?

А тоненькій голосокъ отвѣчаетъ:

— Пустите меня, свѣтлые ангелы, я къ вамъ. Я сегодня на землѣ родился и не дожилъ до ночи. Не успѣли меня окрестить, какъ тихая смерть закрыла мнѣ очи.

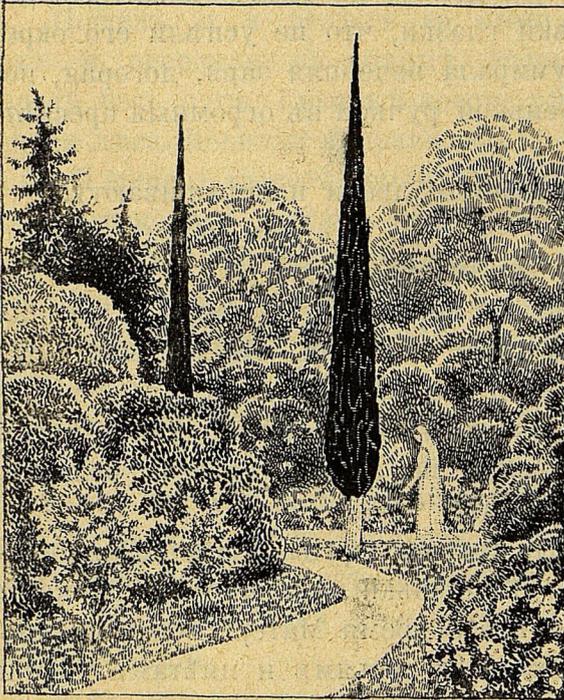
— Какъ же мы тебя впустимъ, — говорятъ ангелы, — если ты не крещенъ? Не принявшій на землѣ святого крещенія, долженъ быть изъ рая удаленъ.

И затворили лучезарные ангелы передъ младенцемъ свѣтлыя двери рая. Стоитъ онъ, бѣдненькій, и плачетъ, кулачками слезы утирая. Проходила въ это время Матерь Божія по райскому саду, раздавая райскимъ деревьямъ и цвѣтамъ росу и прохладу. Какъ нѣжная пѣна волны, струилась по золотому песку дорожки ея бѣлая одежда. Не видѣлъ младенецъ Божіей Матери за высокой оградой, но отъ одного Ея приближенія забрезжила въ его маленькомъ сердцѣ свѣтлая надежда. Заплакалъ онъ еще сильнѣе и сталъ стучаться въ райскія двери слабенькой рукою. Услышала его Матерь Божія и спрашиваетъ ангеловъ:

— Кто это такое тамъ стоитъ за райскою оградой и плачетъ горькими слезами; и отчего не отпираете вы двери золотыми ключами?

Отвѣчали ангелы:

— Это младенецъ, онъ утромъ родился, а вечеромъ пересталъ жить. Умеръ такъ скоро, что не успѣли его окрестить.

Не принявшаго святого крещенія, не можемъ мы впустить въ райскій садъ.

Опечалилась Матерь Божія, и затуманился Ея ясный взглядъ. Пошла Она къ Христу и стала просить, чтобы велѣлъ Онъ лучезарнымъ ангеламъ младенца въ райскій садъ пустить.

Позвалъ Христось ангела и сказалъ ему:

— Вотъ тебѣ золотая чаша. Возьми младенца, спустишь съ

небесъ и отнеси его и чашу на землю въ дремучій темный лѣсъ. Пусть не трогаютъ его тамъ хищныя птицы и звѣри.

Онъ долженъ наполнить чашу до краевъ слезами, тогда откроются передъ нимъ райскія двери.

Ангель взялъ младенца и чашу и исполнилъ приказаніе Христа. Стоитъ младенецъ въ лѣсу и плачетъ, а кругомъ

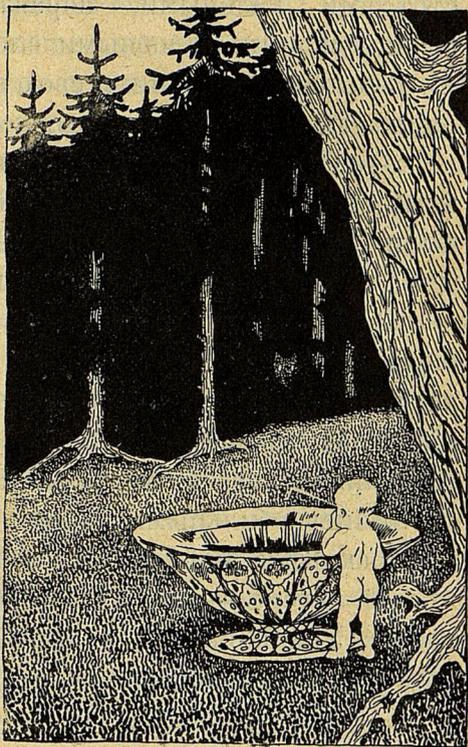
шумять деревья и холодомъ дышитъ темнота. Скупю просачивается сквозь чашу лѣса дневной свѣтъ, смѣняя жуткую тьму ночей. Стоитъ младенецъ и плачетъ, а маленькія слезы стекаютъ въ чашу, какъ тоненькій ручей.

Порою слышится въ чащѣ лѣса тяжкая поступь дикихъ звѣрей, они подходятъ, вытянувъ шею, расширивъ хищныя ноздри, но, завидѣвъ младенца и чашу, завоюютъ, ощетинятся и прочь убѣгаютъ скорѣй. Порой прилетаютъ въ чашу лѣса хищныя, узорчатоперыя птицы, и сверкаютъ въ темнотѣ глаза ихъ янтарныя, какъ мигающія среди тучъ зарницы.

Шлепаютъ онѣ широкими крыльями, задѣвая и качая вѣтви древесныя, но только увидятъ младенца и чашу, какъ вскрикиваютъ съ острой жалобой и прочь летятъ въ просвѣты, гдѣ теплятся звѣзды небесныя.

Стоитъ младенецъ и плачетъ, все плачетъ и о времени забылъ онѣ давно, а слезы, бисернымъ ручейкомъ стекая, едва покрыли глубокой чаши золотое дно.

Случилось такъ, что въ чашу дремучаго лѣса разбойники забрели и вдругъ примѣчаютъ, свѣтится сквозь черныя вѣтки что-то вдали. Подходятъ и видятъ: стоитъ младенецъ и горько плачетъ, роняя слезы въ золотую чашу. Подивились разбойники:

— Не видали,—говорять,—мы такого чуда за всю разбойничью жизнь нашу. Скажи, дитя малое, кто тебя обидѣль или наказаль?

Сквозь слезы младенецъ имъ о своемъ горѣ разсказаль.

Слушали разбойники, поникнувъ буйными головами. Какъ стрѣлами калеными, поражалъ ихъ младенецъ въ самое сердце своими жалобными словами.

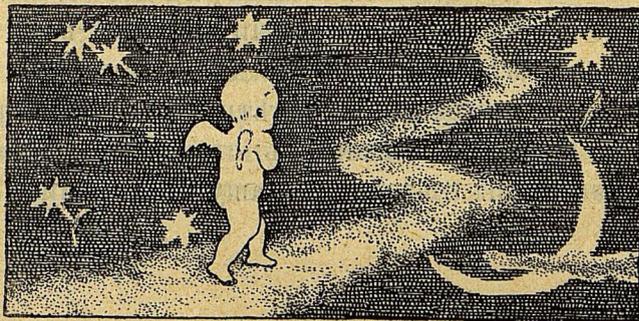
Вздыхали разбойники, свою темную жизнь вспоминая, и слушали ихъ тяжкіе вздохи старыя деревья, да звонкая тишина ночная.

— Охъ, сколько мы за нашу долгую жизнь нагрѣшили: и жгли, и грабили, губили чужія души, а о своей душѣ позабыли. Думали, безъ конца будетъ длиться эта жизнь земная; ѣли, пили, веселились, о Богѣ не вспоминая.

А вотъ тутъ младенецъ малый, ни одинаго грѣха не совершивъ, тяжкія страданія принимаетъ...—И свѣтло стало въ разбойничьихъ темныхъ сердцахъ отъ жалости и раскаянія, какъ въ небѣ ночью, когда разсвѣтаетъ. Заплакали разбойники горючими слезами, словно хмурья муругія тучи пролились обильными серебряными дождями.

Вскипѣла, наполнилась чаша, и видять разбойники, стоитъ бѣлый ангелъ,—не видали они никогда никого свѣтлѣе и краше. Упали они на колѣни передъ посланникомъ свѣтозарнымъ иного, далекаго края, и ангелъ тихо и ласково сказалъ:

— Меня послалъ за вами Христось. Идите вслѣдъ за младенцемъ: онъ открылъ вамъ двери рая. *Allegro.*

О томъ, кто написалъ „Алису“.

СТОМЪ, кто написалъ „Приключенія Алисы“, рассказы-ваютъ, что онъ очень любилъ дѣтей, что дѣти, и его знакомыя, и тѣ, съ которыми онъ случайно встрѣчался, любили его за его шутки, доброту, за его занимательные рассказы, загадки и веселый смѣхъ. На книжкахъ его написано, что онъ—сочиненіе Льюиса Кэрролла. Но имя это не настоящее. Сочинитель Алисы принялъ его изъ скромности: онъ приходилъ въ отчаяніе, когда его хвалили въ глаза, когда съ нимъ говорили о его сочиненіяхъ, и потому предпочиталъ, чтобы тѣ, съ кѣмъ онъ встрѣчался и знакомился, не знали его имени, не знали, что онъ писатель. Ему хотѣлось, чтобы каждый человѣкъ говорилъ съ нимъ непринужденно обо всемъ, что его интересуетъ, а это не всегда бываетъ, когда случайные знакомые узнаютъ, что съ ними разговариваетъ извѣстный писатель. Когда „Алиса“ сдѣлалась любимой книгой во всѣхъ англійскихъ домахъ, гдѣ только есть дѣти, сочинителю этой забавной занимательной книги было особенно пріятно бесѣдовать съ людьми, которые, зная его, не знали, что онъ и есть знаменитый Льюисъ Кэрроллъ.

Настоящее имя сочинителя „Алисы“ Чарльсъ Людвиджъ Доджсонъ. Отецъ Чарльса былъ англиканскій пасторъ, при этомъ большой знатокъ математики, а также любитель рассказывать смѣшныя исторіи; рассказывалъ онъ ихъ замѣчательно хорошо. Всѣ эти качества перешли потомъ къ его сыну Чарльсу. Мать Чарльса славилась своей добротой и умомъ. Однажды она уѣхала на нѣсколько дней къ роднымъ, оставивъ дѣтей

на попеченіе тети. Письмо, которое она написала маленькому сыну Чарльсу, онъ сохранялъ, какъ сокровище, гордясь и любовью матери, и тѣмъ, что она пишетъ ему, какъ взрослому. Боясь, чтобы кто-нибудь не тронулъ драгоценное посланіе, онъ сдѣлалъ надпись на конвертѣ: „прошу не трогать; принадлежитъ Ч. Л. Д.“, а потомъ еще прибавилъ для острастки: „письмо смазано жидкой смолой и запачкаетъ пальцы“. Когда Чарльсъ былъ юношей, то одна его знакомая говорила, что, судя по его характеру, у него навѣрное была хорошая мать. Такъ оно дѣйствительно и было. Въ своихъ писаніяхъ и въ особенности въ своемъ дневникѣ, который онъ аккуратно велъ всю жизнь, онъ часто съ умиленіемъ говоритъ о матери. Она умерла, когда онъ кончилъ первоначальную школу и сдѣлался студентомъ.

Силуэтъ Чарльса
Доджсона въ дѣт-
ствѣ.

Чарльсъ Людвиджъ Доджсонъ родился въ 1832 году въ маленькомъ мѣстечкѣ Дарсбюри, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. До одиннадцати лѣтъ онъ прожилъ тамъ спокойно и уютно въ домѣ своихъ родителей. Онъ любилъ всякихъ животныхъ, и любимцами его бывали обыкновенно такія, какихъ не принято любить, на примѣръ, улитки и жабы. Онъ съ дѣтства отличался любознательностью и постоянно приставалъ къ старшимъ съ вопросами. Однажды онъ пришелъ къ отцу съ математической книгой, попавшейся ему въ руки, и сталъ требовать, чтобы ему объяснили, что въ ней написано. Отецъ сказалъ ему, что онъ слишкомъ малъ и не можетъ понять такія трудныя вещи. Но будущій математикъ и рассказчикъ, почтительно выслушавъ отца, спокойно повторилъ просьбу:

— А все таки, объясни пожалуйста.

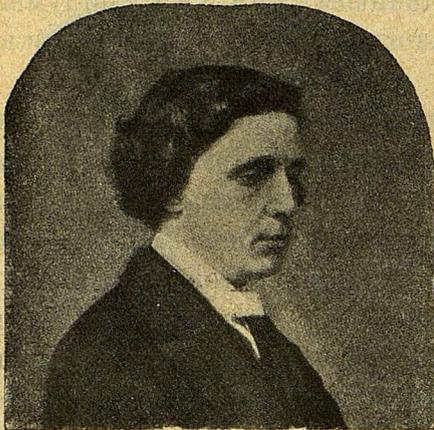
Чарльсу было одиннадцать лѣтъ, когда отецъ его переведенъ былъ пасторомъ въ большій городокъ Крофтъ въ Йоркшэйрѣ. Тамъ, въ большомъ пасторскомъ домѣ съ прилегающимъ къ нему садомъ, мальчикъ проявилъ любовь ко всяческимъ играмъ и большую изобрѣтательность въ нихъ. Онъ постоянно придумывалъ разныя остроумныя занятія для младшихъ братьевъ и сестеръ, строилъ желѣзную дорогу со станціями, буфетомъ, продажей билетовъ, или передѣвался въ фантастическій костюмъ волшебника и приводилъ въ восторгъ всю компанію своими фокусами. Маленькимъ мальчикомъ онъ уже придумывалъ и продѣлывалъ многое изъ того, что потомъ приходило въ голову его Алисѣ.

Двѣнадцать лѣтъ Чарльсъ сталъ учиться въ школѣ, въ Ричмондѣ, гдѣ его помѣстили пансіонеромъ. Домой онъ пріѣзжалъ только на праздники. Зато онъ часто писалъ своимъ братьямъ и сестрамъ — а ихъ у него было много: десять, — и описывалъ ученіе и игры съ товарищами. Учитель, подъ надзоромъ къ которому его помѣстили, сразу почувствовалъ въ Чарльсѣ необыкновенныя способности и писалъ отцу, что сынъ его „исключительно умный и способный мальчикъ“, и что можно ожидать для него блестящей карьеры. Уже тогда онъ участвовалъ въ разныхъ школьныхъ журналахъ, сочинялъ остроумныя карикатуры и шутки, писалъ много шуточныхъ стихотвореній. Онъ точно готовился къ тому, чтобы потомъ забавлять весь міръ своими занимательными разказами о томъ, чего не было.

Восемнадцать лѣтъ Чарльсъ Доджсонъ поступилъ въ духовную школу, „Христова Церковь“ (Christ Church); впоследствии, сдавъ всѣ экзамены на духовное званіе, остался преподавателемъ въ этой школѣ. Всю свою остальную жизнь, т. е. цѣлыхъ сорокъ семь лѣтъ прожилъ въ этой школѣ, занимая

высокое положеніе духовнаго лица, преподавая въ школѣ, читая проповѣди въ церквахъ. Болѣе всего Чарльсъ Доджсонъ занимался математикой. Очень странно, что рассказчикъ, выдумавшій небывало забавную исторію приключеній Алисы, былъ въ то же время выдающимся математикомъ.

Однажды королева Викторія пожелала поближе познакомиться со всѣмъ, что написалъ сочинитель „Алисы“ и выписала себѣ всѣ его книги. Къ великому ея удивленію ей доставили сочиненія подъ такими страшно учеными заглавіями, какъ:

Чарльсъ Людвижъ Доджсонъ.

„Формулы тригонометріи“, „Толкованія первой части алгебры“, „Геометрическая символика“, толкованія „Эвклида“, сборники математическихъ шарадъ и т. д. и лишь двѣ-три дѣтскія книги съ рассказами. Дѣтскій писатель, умѣвшій такъ увлекательно рассказывать о приключеніяхъ въ головѣ маленькой дѣвочки, прожилъ свою жизнь ученымъ, изслѣдователемъ главнымъ образомъ законовъ, по которымъ мы

разсуждаемъ, по которымъ работаетъ наша мысль, т. е. той науки, которая называется логикой. Самъ Доджсонъ уже съ первыхъ своихъ писаній видѣлъ, какъ противоположно было все, чѣмъ онъ былъ занятъ въ своей школѣ, его шутливымъ рассказамъ; поэтому онъ такъ упорно отдѣлялъ себя, почтенное духовное лицо, бібліотекаря школы, преподавателя и проповѣдника, отъ Льюиса Кэрролля, друга дѣтей, охотникъ а до всяческихъ шутокъ и проказъ. На самомъ дѣлѣ, однако, между остроумнымъ математикомъ, между ученымъ, дѣлающимъ опыты

надъ человѣческими сужденіями, и другомъ Алисы, рассказывающимъ о ея встрѣчахъ съ разными животными, растеніями и неодушевленными предметами, есть много общаго. Зная, какъ жилъ и что думалъ Чарльсъ Людвигъ Доджсонъ втеченіе своей долгой жизни въ Крайстъ-Черчъ—ясно видишь, какъ ему пришла въ голову его выдумка про Алису.

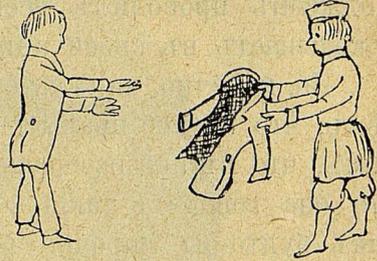
Вотъ какъ жилъ ученый математикъ и профессоръ логики съ тѣхъ поръ какъ, кончивъ самъ курсъ ученія и сдавъ всѣ экзамены, онъ былъ посвященъ въ духовное званіе: онъ занялъ въ огромномъ зданіи школы свое отдѣльное обширное помѣщеніе, очень красивое, гдѣ принималъ часто своихъ друзей, въ томъ числѣ и дѣтей. Онъ много работалъ самъ, такъ какъ любилъ быть учителемъ и старался приносить пользу ученикамъ своей школы; затѣмъ онъ готовился къ проповѣдямъ, а также ходилъ въ церковь и строго соблюдалъ предписанія англиканской вѣры. Онъ даже, по мнѣнію своихъ друзей, слишкомъ строго относился къ соблюденію воскреснаго отдыха. Въ нѣкоторыхъ письмахъ онъ проситъ своихъ друзей не писать ему въ воскресенье и не дѣлать ничего для него именно въ этотъ день: ему было бы тяжело думать, что порученія, которыя онъ давалъ друзьямъ, повели къ нарушенію святости воскреснаго дня.

Но только въ этомъ онъ и соблюдалъ строгость. А въ обычное время, когда онъ былъ свободенъ отъ занятій и отъ церковныхъ обязанностей, онъ былъ удивительно веселый, добрый человѣкъ. Онъ велъ правильный образъ жизни и дѣлалъ каждый день большія прогулки, иногда одинъ—тогда онъ продолжалъ обдумывать свои книги,—а часто съ другими. Въ особенности любилъ онъ гулять съ дѣтьми. У него было много знакомыхъ дѣвочекъ, съ которыми онъ подолгу гулялъ или катался въ лодкѣ, рассказывая имъ занимательныя исторіи.

Иногда онъ заговаривалъ съ чужими дѣтьми и вступалъ съ ними въ дружбу. Много знакомствъ съ дѣтьми онъ завязывалъ во время путешествій, въ вагонѣ. Дѣти приходили въ восторгъ отъ его разказовъ и шутокъ, отъ шарадъ, которыя онъ придумывалъ въ большомъ количествѣ. Часто не только ребенокъ, но и мать дѣвочки или мальчика тоже вступала въ разговоръ съ пріятнымъ собесѣдникомъ, не зная, кто онъ. Разъ какъ-то одна мать догадалась, что онъ сочинитель Алисы и сказала это ему; но онъ—по своей привычкѣ шутить—упорно настаивалъ на томъ, что она ошиблась: вѣдь онъ Чарльсъ Доджсонъ, преподаватель и библіотекаръ Крайстъ Черча, а „Алису“ написалъ какой-то Льюисъ Кэрроллъ.

Желая все увеличивать свои знанія и побольше видѣть, чтобы было больше, что разказывать своимъ любимцамъ-дѣтямъ, Чарльсъ Доджсонъ часто путешествовалъ. Однажды онъ сдѣлалъ большое путешествіе по всей Европѣ вмѣстѣ со своимъ другомъ, тоже членомъ Крайстъ Черча, Лиддонъ. Интересно, что онъ побывалъ въ Россіи, жилъ нѣсколько времени въ Петербургѣ, а потомъ въ Москвѣ, и въ его дневникѣ разказано про Россію много интереснаго, а также конечно и много забавнаго: сочинитель Алисы умѣлъ вездѣ проявлять свой веселый нравъ и дѣйствовать почти такъ, какъ его Алиса въ странѣ чудесъ. Живя въ Петербургѣ, онъ очень восхищался памятникомъ Петра Великаго, а въ Москвѣ пришелъ въ восторгъ отъ церквей. Все это онъ описываетъ серьезно, показывая англичанамъ, какъ много интереснаго и прекраснаго въ далекой Россіи, которую англичане—особенно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда Доджсонъ былъ въ нашихъ столицахъ—совершенно не знали. Много забавнаго случалось съ Доджсономъ изъ-за того, что онъ не зналъ по-русски, или, вѣрнѣе, зналъ очень мало, такъ что безъ словаря не могъ сдѣ-

лать ни шагу. Каждый разъ ему приходилось изворачиваться,— какъ Алисъ среди чудесъ, и ему это всёгда удавалось. На то онъ былъ выдумщикъ и математикъ, умѣвшій всегда правильно рассуждать и этимъ убѣждать всѣхъ. Случилось разъ, что Доджсонъ вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ англичаниномъ попали въ домъ къ русскимъ въ то время, какъ хозяевъ не было дома. Пришлось объясняться съ прислугой. Пріятель Доджсона оставилъ въ этомъ домѣ пальто утромъ и зашелъ за нимъ днемъ. Нужно было сказать служанкѣ, чтобы она принесла пальто. У обоихъ англичанъ не было съ собой словаря, а какъ „пальто“ по-русски они забыли. Сначала пріятель Доджсона началъ объясняться знаками: онъ сталъ снимать сюртукъ, чтобы показать, что ему нужно нѣчто, что снимается и надѣвается. Служанка, какъ будто, поняла, убѣжала и вернулась со щеткой, предполагая, что барину нужно вычистить сюртукъ. Тогда англичанинъ совсѣмъ снялъ сюртукъ и положилъ его на полъ,

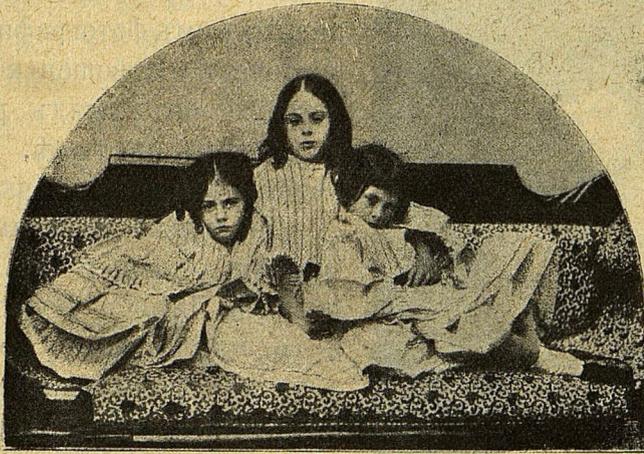
Рисунокъ Льюиса Карролла.

давая понять, что нужно ему пальто внизу, въ передней, подъ комнатою, гдѣ велся разговоръ. Служанка опять убѣжала: она поняла, что баринъ усталъ, хочетъ прилечь на диванъ, и принесла подушку. Тогда другу Алисы пришлось проявить свою изобрѣтательность, и онъ достигъ цѣли. Онъ рѣшилъ, что народы, не имѣющіе общаго языка, должны объясняться іероглифами, какъ въ древней Ассиріи, и быстро нарисовалъ своего пріятеля въ сюртукѣ; русскій мужикъ несетъ ему навстрѣчу пальто; господинъ въ сюртукѣ встрѣчаетъ его съ распростертыми объятіями (см. картинку). Служанка поняла; пальто было тотчасъ же доставлено. Эта исторія совсѣмъ въ

духъ Алисиныхъ приключеній. Когда знаешь, какъ Льюисъ Кэрроллъ дѣйствовалъ въ разныхъ случаяхъ жизни, то уже не удивляешься, что строгій ученый придумалъ шуточную веселую книгу. „Приключенія Алисы“ доказываютъ то, что сочинитель ихъ проводилъ въ жизни: онъ зналъ, что, если правильно разсуждать и согласовать свои поступки съ правильными мыслями, то всегда все устроится и въ жизни, и въ странѣ чудесъ. Чудеса Алисы въ ея воображеніи, а такъ какъ она сама думаетъ правильно, то сонъ ея о животныхъ и о разныхъ вещахъ идетъ такъ, что она все побѣждаетъ, ни передъ чѣмъ не теряясь. Правильно разсуждать—вотъ что Чарльсъ Доджсонъ проводилъ всегда въ своей жизни—и это же онъ показываетъ въ своей книгѣ объ Алисѣ.

Но, конечно, книжка объ Алисѣ нравится намъ не только тѣмъ, что въ ней правы тѣ, кто правильно разсуждаютъ, а еще тѣмъ, что въ ней изображена, какъ живая, сама Алиса и тѣмъ, что она говоритъ такія веселыя и умныя вещи, хотя иногда какъ будто-бы нарочно бессмысленныя. Нужно было очень любить живыхъ дѣтей, чтобы выдумать Алису, ея слова и ея приключенія. Льюисъ Кэрроллъ, дѣйствительно, любилъ дѣтей. Онъ не выдумывалъ для своихъ книгъ тѣхъ, которыхъ изображалъ, а говорилъ про дѣтей, хорошо ему знакомыхъ въ жизни. Алиса не выдуманное лицо и не нарочно придуманное имя. Была живая Алиса въ семьѣ знаковыхъ Чарльса Доджсона, у Лиддель. Три дѣвочки Лиддель, изъ которыхъ онъ въ особенности любилъ среднюю, Алису, были частыми спутницами Доджсона во время прогулокъ, и онъ имъ разсказывалъ безъ конца сказки. Однажды три дѣвочки вмѣстѣ съ Доджсономъ катались въ лодкѣ по Темзѣ. Для того, чтобы прогулка была еще болѣе очаровательной, онѣ стали просить своего друга разсказать имъ новую исторію. Имъ онъ и разсказалъ о приключеніи

ченіяхъ Алисы—почти совсѣмъ такъ, какъ потомъ написаль. Когда онъ посрединѣ хотѣлъ было остановиться и сказать, что будетъ продолжать въ слѣдующій разъ, дѣвочки стали увѣрять, что теперь уже и есть слѣдующій разъ, и заставили его рассказать до конца. Такъ создалась знаменитая книга, успѣвшая со времени своего появленія—въ 1865 году—восхищать и радовать много дѣтей, ставшихъ потомъ взрослыми и передававшихъ ту же книгу своимъ дѣтямъ. Въ стихахъ, пред-

Три сестры Лиддель.

шествующихъ „Приключеніямъ Алисы въ странѣ чудесъ“, Льюисъ Кэрроллъ рассказываетъ объ этой прогулкѣ въ лодкѣ и о трехъ дѣвочкахъ, упросившихъ его рассказать до конца придуманный для нихъ рассказъ. Есть карточка, изображающая трехъ дѣвочекъ вмѣстѣ. Чарльсъ Доджсонъ былъ большой любитель фотографіи и снималъ у себя всѣхъ своихъ знакомыхъ, въ томъ числѣ много знаменитыхъ англійскихъ поэтовъ, художниковъ и ученыхъ, между прочимъ своего друга, зна-

менитаго поэта Теннисона. Но больше всего въ его коллекціи было карточекъ Алисы Лиддель, которую онъ снималъ въ разныхъ костюмахъ, между прочимъ въ живописномъ костюмѣ нищей дѣвочки. Кромѣ Алисы Лиддель у Доджсона было много другихъ дѣвочекъ, съ которыми онъ дружилъ и часто переписывался. Въ особенности была его любимицей Александра Кичинъ, дочь его хорошаго добраго друга.

Алиса Лиддель въ костюмѣ нищенки.

Дѣвочку звали дома Кси, и въ его коллекціи много сдѣланныхъ имъ фотографическихъ карточекъ хорошенькой Кси, которую онъ снялъ разъ въ китайскомъ костюмѣ, разъ въ бѣлой мѣховой шапочкѣ и т. д.

Не только со своими любимицами Алисой и Кси переписывался Льюисъ Кэрроллъ, но и со множествомъ другихъ — и письма его переполнены шутками. Разъ онъ познакомился съ одной дѣвочкой на станціи въ окрестностяхъ Лондона и приобрѣлъ ея расположеніе тѣмъ, что нарисовалъ ей загадку и оставилъ ее для разрѣшенія. Затѣмъ онъ ей написалъ письмо съ порученіемъ взять для него книгу, забытую имъ въ лавкѣ. „Дорогая Изабелла“ — пишетъ онъ дѣвочкѣ — „хотя наше знакомство съ тобой продолжалось всего четверть часа, но такъ какъ въ Ридингѣ у меня нѣтъ никого, съ кѣмъ-бы я былъ знакомъ столько времени, то обращаюсь къ тебѣ съ просьбой.. Мой другъ, котораго зовутъ Льюисъ Кэрроллъ, сообщилъ мнѣ,

что хочеть послать тебѣ книгу. Онъ мой очень близкій другъ. Я былъ знакомъ съ нимъ всю жизнь (мы однихъ лѣтъ) и я никогда съ нимъ не разставался. Онъ, конечно, былъ со мной, когда я съ тобой встрѣтился, и стоялъ рядомъ, когда я рисовалъ тебѣ загадки. Видѣла ты его?.. Твой пятнадцатиминутный другъ Ч. Л. Доджсонъ“.

Другое очень занятное письмо написано имъ одной маленькой пріятельницѣ, которой онъ послалъ одну изъ своихъ дѣтскихъ книгъ. „Дорогая Магдалина“,— пишетъ онъ дѣвчкѣ. „Я долженъ объяснить тебѣ, почему я вчера не смогъ притти. Мнѣ жалко, что я не засталъ тебя, но, видишь ли, по дорогѣ у меня было столько разныхъ разговоровъ. Я старался объяснить прохожимъ, что тороплюсь къ тебѣ, но они не хотѣли слушать. Они говорили, что сами торопятся. Какъ это грубо съ ихъ стороны, не правда ли? Наконецъ я встрѣтилъ телѣжку и понадѣялся, что она позаботится обо мнѣ, но никакъ не могъ разглядѣть, что въ ней. Сначала я увидѣлъ какія-то черты, потомъ посмотрѣлъ въ телескопъ и увидѣлъ выраженіе; затѣмъ я посмотрѣлъ въ микроскопъ и открылъ, что за выраженіемъ есть лицо. Оно показалось мнѣ похожимъ на меня, и я взялъ большое зеркало, чтобы удостовѣриться. Оказалось, къ моей радости, что это дѣйствительно я. Мы поздоровались, и въ это время пришелъ и я самъ, и начался у насъ прелестный разговоръ. „Помните, какъ мы все повстрѣчались въ Сандонѣ?“ сказалъ я себѣ. „Тамъ была маленькая дѣвочка, Магдалина. Я ее любилъ не очень, но немножко“. Потомъ намъ пришлось торопиться на поѣздъ—и какъ ты думаешь, кто пришелъ насъ проводить? Два моихъ милыхъ друга, которые теперь какъ разъ здѣсь и шлютъ тебѣ поклонъ. Это—Льюисъ Кэрроллъ и Ч. Л. Доджсонъ“. Въ такомъ родѣ были все его письма ко множеству его маленькихъ друзей. Всеѣмъ онъ писалъ

о шуточныхъ происшествiяхъ и давалъ совѣты, какъ дѣйствовать въ разныхъ фантастическихъ случаяхъ.

Въ этихъ письмахъ, въ обращенiи съ милыми ему дѣтьми, виденъ ясно сочинитель „Алисы“. Въ жизни онъ былъ немного чудакомъ, забавлялъ друзей своими выходками. Хотя онъ жилъ всегда одинъ, не имѣлъ семьи, но множество дѣтей, которыми онъ былъ всегда окруженъ, замѣняли ему семью. Онъ не всегда приходилъ къ обѣду, когда его звали,—это была одна изъ его особенностей. Его друзья поэтому только сообщали ему, что тогда-то обѣдаютъ у себя дома—и, если могъ, онъ приходилъ. А одной дамѣ, забывшей его причуды и пригласившей его къ обѣду, онъ написалъ: „Не приду, потому что вы меня пригласили“.

Про Алису Льюисъ Кэрроллъ написалъ двѣ книги: сначала „Приключенiя Алисы въ странѣ чудесъ“—знакомыя читателямъ „Тропинки“, а затѣмъ еще „Черезъ зеркало“. Въ этой книгѣ Алиса входитъ въ зеркало и тамъ оказывается въ зеркальной странѣ, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ главнымъ образомъ шахматныя фигуры. Она сама тоже дѣлается шахматной королевой и переживаетъ много забавныхъ приключенiй. Много шутокъ рассказано и въ этой книгѣ, Алиса и въ ней остается умной дѣвочкой, которая твердо держится правильнаго способа рассуждать и потому всегда оказывается побѣдительницей надъ сумбуромъ въ головахъ всѣхъ, которые встрѣчаются ей.

Книги Льюиса Кэрролла особенно полезны тѣмъ, что въ нихъ умѣние интересно рассказывать соединено съ умомъ математика, учащаго людей пользоваться правильно своими мыслями. Въ нѣсколькихъ другихъ своихъ книгахъ Льюисъ Кэрроллъ тоже рассказалъ про дѣтей и ихъ приключенiя, но лучшими его произведенiями остаются двѣ книги объ Алисѣ.

Въ „Приключенiяхъ Алисы“, какъ могли видѣть читатели

„Тропинки“, чрезвычайно много шутокъ, шуточныхъ стихотвореній. Льюисъ Кэрроллъ писалъ ихъ для англійскихъ дѣтей и потому шутилъ на англійскія слова и пересказывалъ наизнанку англійскіе стихи и пѣсенки.

Передать это на другомъ языкѣ очень трудно, и поэтому книга эта мало переводилась въ цѣломъ видѣ на другіе языки. Для читателей „Тропинки“ переводъ сдѣланъ такъ, чтобы ни одна шутка не пропала, и чтобы русскія дѣти понимали на примѣрѣ русскихъ стиховъ, какъ забавно маленькая Алиса вспоминала во снѣ о томъ, чему училась на яву.

Зин. Венгерова.

Исторія воздухоплаванія.

(Продолженіе).

О. Лиліенталь погибъ, но заслуги его громадны: его работами воспользовались другіе изобрѣтатели; всѣ считаютъ его *отцомъ* всѣхъ *аэроплановъ*. Особенно удачно примѣнили опыты Лиліенталья къ новымъ машинамъ—братья Райтъ.

Эти братья—американцы; въ 1898 году они переѣхали въ глушь и тамъ, вдали отъ всѣхъ, изучали полетъ искусственныхъ крыльевъ и простыхъ четырехугольныхъ рамокъ, обтянутыхъ плотною матеріей.

Десять лѣтъ братья провели въ опытахъ и пробахъ, никому о нихъ не сообщая и, только убѣдившись въ полномъ успѣхѣ своего летательнаго аппарата, явился одинъ изъ братьевъ, Вильбуръ Райтъ, въ Парижъ и показалъ всѣмъ свои удивительные полеты.

Онъ леталъ одинъ и съ пассажиромъ, леталъ и

и низко, летать по какой угодно кривой линии и опускаться на землю плавно, какъ птица.

Эти „побѣдители воздуха“ воспользовались для своего аппарата всѣмъ, что человѣчество узнало за всѣ вѣка, поэтому ихъ аэропланъ изобрѣтенъ не ими только, но всѣми *работниками воздуха*; у одного они узнали о *воздушномъ сопро-*

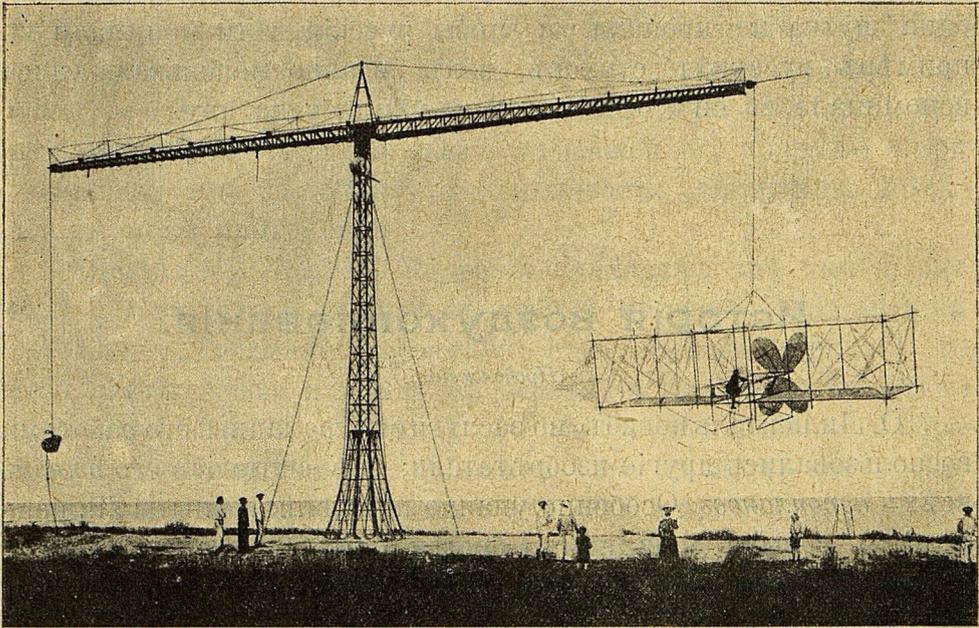

Рис. 1. Бр. Райтъ пробують полеты своего биплана.

тивленій, у другого о силѣ *воздушнаго винта съ лопастями* (пропеллеръ), у третьяго о легкомъ и сильномъ *двигателѣ*— (моторъ), который можетъ приводить винтъ въ быстрое вращеніе и т. д.

Все это братья Райтъ удачно соединили въ своемъ *бипланѣ*, который теперъ всѣхъ удивляетъ своимъ простымъ

устройствомъ *). Онъ состоитъ изъ двухъ немного наклонныхъ плоскостей, чуть-чуть вогнутыхъ книзу и скрѣпленныхъ по бокамъ легкими, но прочными стойками. Позади хвостъ—руль, тоже клѣтка, называется—*стабилизаторъ*.

Въ средней части аэроплана помѣщается моторъ и самъ летатель—*авіаторъ*, (управляющій аппаратомъ).

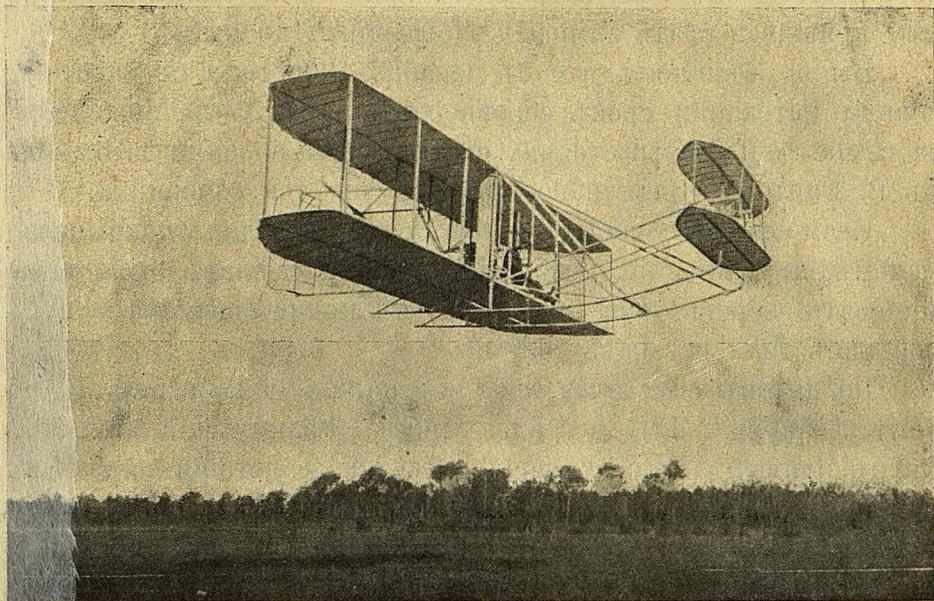

Рис. 2.

Воздушные винты, пропеллеры, сдѣланы изъ дерева. Ихъ два, прикрѣплены они между хвостомъ и летателемъ.

Винтъ приводится въ движеніе моторомъ и этимъ какъ будто ввинчивается въ воздухъ. Весь аппаратъ сначала мчитъ по рельсамъ или по гладкой равнинѣ, а потомъ черезъ

*) Би-планъ значитъ—двѣ плоскости.

40—50 саженой взлетаетъ на воздухъ отъ напора на наклонныя плоскости. При помощи руля авіаторъ направляетъ бипланъ то въ ту, то въ другую сторону. (Рис. 2).

Райтъ леталъ на своемъ аппаратѣ много разъ и иногда держался въ воздухѣ болѣе часа. Разъ пролетѣлъ шестьдесятъ шесть верстъ и сдѣлалъ при этомъ сорокъ пять круговъ. За свои полеты онъ получалъ много призовъ, но одинъ изъ нихъ ему пришлось брать зимою, въ страшный холодъ.

Было объявлено, что 31 декабря 1908 года съ закатомъ солнца истекаетъ срокъ соревнованія на „кубокъ Мишелена“ за самое большое разстояніе, сдѣланное на аэропланѣ. Вмѣстѣ съ В. Райтомъ рѣшили состязаться еще два соперника.

Несмотря на холодъ, отъ котораго аэропланъ покрывался льдомъ, а руки и ноги коченѣли, Райтъ слѣлалъ около восьмидесяти верстъ. Онъ еще былъ въ поднебесьи, когда пушкой извѣстили о закатѣ солнца.

Когда онъ спустился, ему всѣ жали руки и называли „царемъ воздуха“. Ему достался призъ. Французскій министръ Овуръ пришелъ въ восхищеніе отъ такого летанія по воздуху и попросилъ прокатать и его на бипланѣ. Райтъ принялъ его и вмѣстѣ съ нимъ взвился вверхъ послѣ заката солнца, въ темнотѣ. Сдѣлавъ два круга, онъ спустился на землю вполне благополучно. Министръ горячо пожималъ ему руку и говорилъ:

— Я удивительно спокойно и увѣренно чувствовалъ себя на вашемъ экипажѣ.

Райтъ отвѣтилъ:

— Будьте увѣрены г. министръ, что вы находились въ болѣе безопасности на моемъ аэропланѣ, нежели на вашихъ желѣзныхъ дорогахъ.

В. Райтъ и на ночь не оставляетъ своего аппарата безъ присмотра: онъ спитъ въ томъ же сараѣ, гдѣ находится его бипланъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Вѣсти отовсюду.

Сорокалѣтіе открытыхъ писемъ. Первая почтовая карточка для открытаго письма появилась сорокъ лѣтъ тому назадъ, а именно 1-го октября 1869 года, въ городѣ Вѣнѣ. Въ слѣдующемъ же году открытки были введены въ Германіи, Баваріи, Англіи, Швейцаріи, а затѣмъ и во всѣхъ другихъ государствахъ.

Въ первые годы на открыткѣ ничего не было, кромѣ марочнаго штемпеля, линеекъ для адреса и наставленія, гдѣ писать адресъ и гдѣ само письмо. Открытки съ картинками появились позднѣе. Первые такія открытки явились въ Германіи. Одинъ книгопродавецъ во время франко-прусской войны выпустилъ открытку съ изображеніемъ солдата. Это была первая открытка съ картинкой. Она была родоначальницей всѣхъ безчисленныхъ открытокъ, которыя теперь, какъ пестрыя бабочки, цѣлыми роями летаютъ по городамъ, разлетаются по всей странѣ, перекочевываютъ изъ государства въ государство и разносятся по всему земному шару.

Первый пароходъ. Первый пароходъ былъ построенъ американцемъ Робертомъ Фультономъ сначала въ Парижѣ, гдѣ пароходъ этотъ ходилъ по рѣкѣ Сенѣ, вызывая изумленіе зрителей, а потомъ въ Америкѣ, гдѣ пароходъ ходилъ по рѣкѣ Гудзону. Со времени постройки этого парохода въ октябрѣ исполнилось сто лѣтъ, и въ Америкѣ по этому случаю были празднества.

Интересна жизнь Р. Фультона. Онъ былъ прирожденнымъ изобрѣтателемъ, но обстоятельства сложились такъ, что онъ слѣлался живописцемъ. Однако онъ очень скоро забросилъ живопись и сталъ изучать математику и механику. При этомъ

онъ почти безъ перерыва что-нибудь изобрѣталъ: построилъ машину для полировки и рѣзки мрамора, снарядъ для витья веревокъ, подводную лодку и, наконецъ, первый пароходъ прославившій его имя.

Генри Гудзонъ. Генри Гудзонъ, англичанинъ, былъ смѣлымъ опытнымъ мореходомъ, когда 300 лѣтъ тому назадъ ему поручили открыть проходъ черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ вокругъ Сѣверной Америки. Исполняя это порученіе, Гудзонъ открылъ рѣку и заливъ—оба носящіе теперь его имя. Со времени этого открытія прошло триста лѣтъ и въ началѣ октября американцы праздновали это событіе.

Отважный Генри Гудзонъ мечталъ пробраться къ сѣверному полюсу. Но поѣздка его кончилась гибелью. На кораблѣ вышли всѣ запасы провизіи, и экипажъ взбунтовался. Гудзонъ и его малолѣтній сынъ были посажены въ шлюпку и брошены на произволъ судьбы въ океанѣ. Такъ пропалъ безслѣдно Генри Гудзонъ.

Открытіе мертваго города. Нашъ путешественникъ П. К. Козловъ открылъ *засыпанный пескомъ* городъ Хара-хото въ глуши Азіи, въ центрѣ Монголіи.

Онъ откопалъ его и нашелъ въ немъ замѣчательныя постройки, много образковъ, монетъ, разныхъ издѣлій изъ фарфора и металла, а главное тысячи книгъ на самыхъ разнообразныхъ языкахъ; нѣкоторыя изъ нихъ разобрали, а часть такъ и осталась неразгаданной. Видно, здѣсь жилъ какой-то невѣдомый народъ, очень образованный, но объ немъ никто до сихъ поръ не зналъ, и куда онъ дѣлся — неизвѣстно. Сосѣдніе обитатели слышали отъ своихъ прадѣдовъ, что этотъ городъ былъ когда-то княжескій; князя звали Батырь-Харацзянь-цзинь, по его имени и городъ названъ—Хара-хото, что значитъ „Черный городъ“.

Тѣ же обитатели рассказали нашему путешественнику, что давно-давно черезъ городъ протекала рѣка, но враги, во время осады, отвели эту рѣку въ другую сторону. Вся мѣстность превратилась въ пустыню.

И вотъ, эти развалины представляютъ могилу прежняго красиваго города; вѣтеръ засыпаетъ его все больше и больше.

Почта „Тропинки“.

Редакція „Тропинки“ получаетъ много писемъ отъ своихъ читателей-дѣтей съ разными вопросами и сообщениями.

Всѣмъ отвѣчать по почтѣ редакція не можетъ, поэтому при журналѣ открывается „Почта Тропинки“.

Въ ней будутъ помѣщаться *вопросы* дѣтей и *ответы* на нихъ редакціи.

Въ письмахъ, полученныхъ осенью, особенно много говорится *о проведенномъ лѣтѣ*.

Изъ нихъ мы напечатаемъ тѣ, которыя могутъ быть интересны для всѣхъ.

Предлагаемъ читателямъ „Тропинки“ присылать въ редакцію сообщенія о всемъ интересномъ изъ своей жизни.

Редакція.

Шарада № 13.

Мой первый слогъ придуманъ за границей,

Но нами взятъ давно, его здѣсь знаетъ всякъ.

Слогъ средній назову я буквой иль частицей,

Два слога на концѣ—породою собакъ.

А все—при четырехъ слогахъ совсѣмъ не сложно.

И лишь въ Россіи вамъ найти меня возможно.

Шарада № 14.

Два имени мужскихъ мой два первыхъ слога,
Но перваго вамъ лучше бы не знать.
Второй—у мусульманъ вы можете встрѣчать.
Къ концу—ведеть насъ азбуки дорога,
Его мы любимъ, часто безъ причины.
Все—въ Августѣ свои справляетъ именины.

Шарада № 15.

Два первыхъ слога въ шляпкѣ,
Хотя безъ головы.
Средь азбуки конецъ мой
Легко найдете вы.
Все—ярко-краснымъ, бѣлымъ
И розовымъ бываетъ,
И съ грядокъ вамъ садовыхъ
Головкою киваетъ.

Шарада № 16.

Мое начало каждый русскій знаетъ,
Послѣднимъ слогомъ воду измѣряютъ,
А все мое—страшитъ всѣхъ жителей морей;
Всѣ отъ него бѣгутъ, чтобъ спрятаться скорѣй.

Рѣшеніе ребуса № 8.

Коня куютъ, а жаба и свою лапу подставляетъ.

Отъ кохторы редакціи.

Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., и 3-й р. къ 1-му Мая.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 кн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ **1 и 15** каждого мѣсяца въ **2—3** печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее:
Зин. Венгеровой „Донъ-Кихотъ“. *З. Н. Гиппиусъ* „Полетѣли“ (о воздухоплаваніи).
Е. Л. Иванова „Черный мельникъ“. *П. Инфантьева* „На родниѣ первыхъ людей“.
(Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азій). *И. С. Кондурушкина* „Сказка о четырехъ вѣтрахъ“. *Кл. В. Лукашевичъ* „Полюбимая подруга“. *Н. П. Манасеиной* „Чербостская принцесса“ (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины П). *Проф. М. И. Ростовцева* „Олимпийскія игры“. *П. Соловьевой (Allegro)* „Даревна Земляничка“ (пьеса въ стихахъ). *Н. Л. Шапиръ* „Въ зоологическомъ саду“ и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой **3 руб.**,
Для ознакомленія съ журналомъ можно
выписывать его на 4 мѣсяца за **1 руб.** При желаніи продлить подписку
остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не позднеѣ 15-го
апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты
1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 гг. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и
во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Ж. Манасеина*.